

Тихонов Виталий Витальевич

ИРИ РАН (Москва)

**Отзыв на диссертацию на соискание ученой степени
доктора исторических наук Капсалыковой Марины Рамазановны
«Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982): биография и научное
наследие». Специальность: 5.6.1. Отечественная история**

Научная биография М.Я. Сюзюмова вызывает неподдельный интерес не только среди специалистов по византиноведению, но и среди историков исторической науки. Очевидно, что через призму научного пути знаменитого византиниста можно исследовать многие процессы развития советской исторической науки: дисциплинарную историю византистики, становление региональных историографических центров, коммуникативные практики историков, их конкуренцию в рамках научного поля, практики формирования корпоративной и дисциплинарной идентичности и т.д. Поэтому появление диссертации, посвященной биографии М.Я. Сюзюмова, должно было стать значимым событием. Однако этого не случилось, а чтение представленной К.Р. Капсалыковой диссертации на соискание докторской степени оставляет скорее чувство недоумения и неловкости.

Вопросы начинаются уже с титула. Указано, что диссертация защищается по специальности 5.6.1. Отечественная история. Все-таки научные биографии историков, в силу необходимости повышенного внимания к историографическому контексту, институциональному развитию исторической науки, ее взаимосвязи с обществом и т.д., как правило, защищаются по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования. Не хотелось бы выступать в роли формалиста, но этот выбор определяет набор актуальных проблем и определяет направление поиска исследователя.

Чтение представленного текста дает понять, что К.Р. Капсалыкова сама так и не смогла понять, что за исследование она хочет представить на защиту. Почти 200 страниц, т.е. добрая половина диссертации, посвящены описанию источниковой и историографической базы исследования. Для диссертации, целью которой является биографическая реконструкция, подробное описание фондов и их истории, детальное перечисление выявленных там документов и т.д. представляется избыточным, тем более что, как правило, дальше простого перечисления дело не идет. В то же время, если бы это была диссертация по источниковедению или архивоведению, тексту явно не хватает знания архивоведческой и источниковедческой теории, определяющих аналитический инструментарий исследователя. Эта неопределенность постоянно бросается в глаза. Например, давая классификацию источников, К.Р. Капсалыкова вставляет в эту часть текста обширные экскурсы о взаимоотношении М.Я. Сюзюмова со столичными журналами, его работе в качестве члена редколлегий и т.д. Вообще приходится констатировать «разбалансировку» текста, его непоследовательность и плохо продуманную архитектуру.

В обосновании актуальности выясняется, что реконструкция биографии М.Я. Сюзюмова рассматривается автором, со ссылкой на В.Г. Кикнадзе, в качестве элемента «информационной войны». Понимаю (точнее, надеюсь), что данный пассаж носит скорее ритуальный характер, однако вряд ли такая искусственная и сомнительная актуализация наследия М.Я. Сюзюмова делает К.Р. Капсалыковой честь как ученому.

Озадачивает читателя и методологическая часть. Логично было бы предположить, что здесь соискатель опишет существующие подходы к реконструкции научной биографии ученого и определит актуальные для себя ракурсы в зависимости от поставленных задач. Однако К.Р. Капсалыкова обнаруживает явное незнание апробированных историками исторической науки современных подходов социальной истории науки, интеллектуальной истории, биографики и т.д. Вместо четкого описания теоретико-

методологического фундамента работы перед читателем предстает набор малосвязанных между собой абзацев, в которых мелькают Ленин, Мао-Цзэдун, Ибсен, квир-теория, постмодерн, принцип историзма и проч., и проч. Понять, что хотел сказать автор в этом сумбуре довольно сложно.

Методы описаны примерно так же. Так, после привычного историко-генетического метода неожиданно возникает некий макромелетический метод (со ссылкой на Аристотеля), вспоминаются методы работы византийских хронистов. Наконец, утверждается, что для решения задач, касающихся характеристики источников, был применен библиографический метод. Об источниковедческих методах автор, видимо, не слышала.

Положения, выносимые на защиту, предельно фактографичны. Признаков концептуализации материала я не заметил. Зато К.Р. Капсалыкова щедро одаривает негативными эпитетами своих оппонентов. Досталось В.В. Рыжковскому, А.И. Клюеву, А.В. Свешникову и другим.

Представления автора о советской исторической науке весьма специфичны. Так, с ее точки зрения «значительная часть истории советской исторической науки представляет собой борьбу ортодоксальных марксистов-ленинцев со сторонниками М. Н. Покровского и другими ревизионистами» (С. 25). Данное утверждение делается со ссылкой на статью А.М. Панкратовой из знаменитого (в том числе и печально) сборника «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Разумеется, в данном случае К.Р. Капсалыкова воспроизводит типичную для советского времени конструкцию о существовании неких «правильных» марксистов-ленинцев и «неправильных» ревизионистов, в данном случае М.Н. Покровского и его сторонников. Кстати, сама А.М. Панкратова была ученицей М.Н. Покровского. Сборники против М.Н. Покровского преследовали цель идеологической «зачистки», а не научного анализа наследия М.Н. Покровского. Но К.Р. Капсалыкову все эти нюансы не интересуют, или она просто о них не знает. Некритично она использует и ярлык «покровщина», опять-таки со ссылкой на сборники против Покровского. К М.Н. Покровскому, безусловно, можно относиться по-разному,

но, будучи заметной фигурой в отечественной истории, он заслуживает более аналитического подхода, а не навешивания старых ярлыков. В глазах К.Р. Капсалыковой полумифическая «покровщина» приобретает мистические инфернальные черты и становится носителем внеисторического зла. С «покровщиной» соискательницей связывается даже сокращение в 1964 г. сроков обучения по историческим специальностям в вузах. Такие конструкции хороши для фэнтезийных романов, но не для научного исследования.

Безусловно, М.Я. Сюзюмов, видимо, со свойственным ему интеллектуальным задором без усталости боролся с «покровщиной» в стиле «за все хорошее, против всего плохого», а, возможно, и ловко умел использовать прием навешивания ярлыков в полемике со своими оппонентами. К.Р. Капсалыкова настолько прониклась взглядами своего героя, что совершенно некритически воспроизводит все конструкты М.Я. Сюзюмова, к которым отнесены «покровщина», «ильичевщина», «социологизация», «структурализм», какой-то «воинствующий германизм» и т.д. Соискатель даже не пытается «подняться» над материалом, а просто и безоговорочно воспроизводит фобии, безусловно, выдающего византиниста, мимикрирует под его мировосприятие. Вообще такое увлечение предметом исследования нередко проявляется в кандидатских диссертациях, но задачей докторского исследования является, как минимум, аналитический подход к взглядам исследуемого историка, их проблематизация и помещение в широкий историографический контекст, а не восторженное и некритическое воспроизведение. Ничего этого в представленной работе нет и в помине. Зато легко «проклинаются» целые дисциплины и научные направления, давно доказавшие свое право на существование.

Встречаются и комичные пассажи. Например, в качестве союзника М.Я. Сюзюмову в борьбе с «дьявольской» социологией призывается физик Ричард Фейнман, который, действительно, в своей широко известной книге «Вы наверное шутите, мистер Фейнман?» высказывал недоумение по поводу зауми одного социолога, однако это не значит, что он вообще не признавал

социологии, он просто требовал четко излагать мысли, как то принято в естественных науках.

К сожалению, читатель не находит в диссертации сколько-нибудь внятной картины развития советской исторической науки, ее методологических, а также идеологических поворотов, институциональной эволюции, даже история византистики дана крайне скупо. Впрочем, излагаются довольно отрывочные оценки М.Я. Сюзюмова этого процесса. Попыток выхода за пределы *historia Sjusjumiana* (так это обозначила соискатель) не предпринимается. Между тем, хотя бы кратко стоило показать, с каким багажом отечественная византистика пришла к 1917 году, как происходило ее развитие в неблагоприятных условиях 1920-30-х гг., почему затем она опять вошла в круг актуальных и уважаемых дисциплин и т.д. Я не нашел в диссертации ссылок на труды С.А. Иванова, И.П. Медведева, нет здесь упоминания и обобщающих трудов по истории советской медиевистики О.Л. Вайнштейна и Е.В. Гутновой. Из работ В.В. Сашанова упомянута только статья о М.Я. Сюзюмове-коллекционере, хотя у него есть ряд важных публикаций по институциональному развитию советской византистики. Зато зачем-то несколько раз соискательница вспоминает, что византистика «дорогой цветок», выбор интеллектуальных гурманов.

Собственно налет «гурманства» толстым слоем покрыл всю диссертацию К.Р. Капсальковой. В ней много латинских выражений (на языке оригинала), система ссылок строится на латинице. Таким образом автор считает, что отдает дань уважения старой академической традиции и лично М.Я. Сюзюмову. В диссертации часто встречаются цитаты из литературных сочинений и даже кинофильмов (например, замечательного фильма «Общество мертвых поэтов»). Мне представляется, что соискательница в данном случае скорее стремится продемонстрировать свою эрудицию и культурный багаж, а не предложить читателю четкие и понятные выводы. Сама того не замечая, она оказывается на месте того самого социолога, который не

может просто и точно описать явления, и подменяет верифицируемые выводы произвольно подобранной метафористикой.

В диссертации встречаются и более «мелкие» странности. Так, филателистика почему-то названа вспомогательной исторической дисциплиной (С. 169). Оценка испанского исторического образования (почему испанского?! – В.Т.) дается со ссылкой на замечательного автора исторических и приключенческих романов Артуро Переса-Реверте, но не на ученого-историка. Впрочем, такая смесь из научных текстов и случайно всплывающих художественных образов пронизывает всю диссертацию. Опубликованные труды М.Я. Сюзюмова почему-то представлены в списке литературы, а не источников, как того требует источниковедческая традиция и логика исследования.

Вообще источниковедческая составляющая диссертации является одной из самых уязвимых ее частей. Многие вопросы развеивает отзыв научного консультанта К.Р. Капсалыковой, доктора исторических наук А.С. Мохова. В нем с удивлением обнаруживается следующий пассаж: «Например, период 1947–1953 гг. однозначно трактуется в историографии как «мрачная страница», время «идеологических кампаний» и пр. Следует, однако, задаться вопросом: на каком основании делаются эти выводы, если установленный российским законодательством 75-летний срок, ограничивающий доступ к архивным документам для 1951 года истечет только в 2026 году. По этой причине, многие выводы, сделанные в обобщающих трудах по истории советской науки, – это не более чем футуристические прогнозы». Перед нами элементарное незнание архивного законодательства и особенностей источниковедения новейшей истории. Такое фиаско уже никакими латинскими пословицами не прикрыть.

Есть ли достоинства у диссертации К.Р. Капсалыковой. Да, есть. В первую очередь речь идет о массиве впервые введенных в научный оборот архивных документов. Однако для получения докторской степени этого явно недостаточно.

В сухом остатке перед нами фактографическая работа, в которой почти отсутствует аналитика и понимание исторического и историографического контекста. Выводы элементарны и сдобрены попытками литературно-художественного оформления. Складывается стойкое впечатление, что первоначально писалась научно-популярная биография М.Я. Сюзюмова, которую срочно пришлось переделать в научную диссертацию, что потребовало «нарастить» первые две части и искусственно «нахлобучить» их на биографическую часть.

К сожалению, я вынужден резюмировать, что работа Карины Рамазановны Капсалыковой «Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982): биография и научное наследие» не соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Таким образом, Карина Рамазановна Капсалыкова не заслуживает степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института российской истории
Российской Академии наук
(ИРИ РАН) (117292, г. Москва
ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
(499) 126-94-49; iriran@mail.ru; www.iriran.ru)

В.В. Тихонов
Тихонов
Виталий Витальевич

